

О ДВУХ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДАХ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Художественный перевод является сложным родом литературной деятельности. Ответственность переводчика велика, ибо он должен правдиво передать не только содержание, но и форму подлинника, в которой находят свое отражение национальное своеобразие художественного произведения и отпечаток эпохи.

Александр Вульферт¹ и Роберт Липперт² — авторы первых переводов на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник» — затратили немало сил на то, чтобы выполнить эти требования. Но одного осознания своей ответственности мало, необходимо еще и совершенное владение как иностранным, так и родным литературным языком, их стилистикой и лексикой, и, что не менее важно, определенное поэтическое дарование.

Оба переводчика руководствовались при выборе для перевода пушкинской поэмы «Кавказский пленник» важнейшим принципом — требованием актуальности. Пушкин в то время был уже общепризнанным мастером русского поэтического слова и в наибольшей степени влиял на развитие русской поэзии как формы национального сознания. Этим выбором переводчики одновременно стремились положительно повлиять на развитие своей родной литературы, в задачи которой входило освоение всего мирового художественного наследия. Таким образом, как А. Вульферт, так и Р. Липперт имели перед собой одну и ту же цель.

¹ Der Berggefangene von Alexander Puschkin. St. Petersburg. Gedruckt in der Buchdruckerei der besonderen Kanzlei des Ministeriums des Innern. 1824. О том, что этот перевод принадлежит А. Вульферту см.: Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1818. Berlin, 1970.

² Der Gefangene im Kaukasus. — In: Alexander Puschkin's Dichtungen. Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. Erster Band. Leipzig, Verlag von Wilhelm Engelmann, 1840.

Прежде чем приступить к работе, переводчики должны были проникнуться сознанием того, что, с одной стороны, в начале творческого процесса поэта лежали определенная мысль и поэтический образ, неотделимые от слова и выражаемые словом, а с другой, — что основой перевода должен быть не изолированный и условный словесный знак и не строй языка, а прежде всего само произведение в целом³. Главное — передать дух подлинника языковыми средствами выражения своего родного языка.

Александр Вульферт происходил из немецкой семьи, долгое время жившей в Санкт-Петербурге и впоследствии уехавшей в Финляндию, служил нотариусом в юридической коллегии. Издание его перевода отличается тем, что перевод дается параллельно с текстом оригинала. Вульферт перевел весь стихотворный текст самой поэмы (в отличие от Липпберта, который перевел только обе части поэмы). Это издание содержит и собственные примечания Пушкина к своему произведению, но они не переведены. Сам Вульферт не нуждался в их переводе, так как «восточные» слова, поясняемые Пушкиным в примечаниях, в немецком тексте не встречаются. Авторские примечания на русском языке оставлены издателем в целях полного воспроизведения оригинального текста.

Особенность текста поэмы «Кавказский пленник» состоит в том, что для создания «местного колорита», понимаемого в духе романтической эпохи как этнографическая экзотика⁴, Пушкин прибегал к употреблению множества «восточных» слов (как, например: аул, уздень, аркан, сакля, чихирь и т. п.). Эти слова ныне не представляются столь экзотичными, но в 20-е годы XIX века дело обстояло иначе, и они требовали особого разъяснения со стороны автора; еще более чуждыми были эти слова немецкому читателю, для которого данная географическая область вообще была недоступной. Поэтому думается, что Вульферт совершенно справедливо заменяет эти «восточные» слова на более привычные реалии из повседневной лексики немецкого языка, причем очень удачно:

аул —	Dorf	— деревня
сакля —	Hütte	— хижина
уздень —	Fürst	— князь
чихирь —	der rothen Traube Labessegen	— красное вино

³ См.: К а ш к и н И. А. Для современного читателя: Статьи и исследования. М., 1977, с. 428.

⁴ См.: Ж и р м у н с к и й В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978, с. 293.

В этом плане совершенно иначе поступает Р. Липперт. В своем переводе он употребляет почти все непонятные немецкому читателю «восточные» слова Пушкина и объясняет их значение в конце каждой части поэмы. К тому же объяснения этих слов, данные Липпертом, зачастую просто неверны. Так, например, он поселяет черкесов в шатры наподобие цыган:

аул — ein aus Zelten bestehendes
Teherkessendorf⁵ — состоящая из шатров
черкесская деревня.

Слово «сакля» у него не встречается в переводе ни само по себе, ни в форме немецкого эквивалента. Слово «бурка» Пушкиным в примечаниях не выделено. Липперт не переводит его, а оставляет в тексте и в примечаниях объясняет его следующим образом:

бурка — kurzer Pelzüberwurf, den
die kaukasischen Völker
über den Panzer tragen⁶ — короткая меховая
накидка, которую
кавказские народы
носят поверх кольчу-
ги.

Таким образом, Липперт порой искажает некоторые этнографические черты быта кавказского народа, Вульферт же, не загромождая перевод иноязычными словами, облегчил немецкому читателю восприятие этого русского произведения, избрав такие словесные эквиваленты, которые в немецком языке употребительны и обычны для подобного содержания и удачно передают стиль переводимого произведения. Кроме того, он дает своему читателю предварительные пояснения к переводу, касающиеся прежде всего географических данных, и подробно информирует читателя о таких исторических личностях, как Мстислав, П. Д. Цицианов, П. С. Котляревский и А. П. Ермолов. Этим он как бы настраивает читателя, помогает ему вжиться в атмосферу изображаемых далее событий.

Вульферт старается сохранить движение и жизнь подлинника, весь его художественный смысл. Это чувствуется с первых же строк перевода. Он умело воссоздает картину нето-

⁵ Der Gefangene im Kaukasus, S. 13.

⁶ Там же.

ропливой беседы «праздных черкесов», сидящих на своих порогах. Внезапно беседа прерывается:

И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влечил.
«Вот русской!» — хищник возопил (IV, 93).

Вульферт переводит эти строки так:

halt plötzlich ein Tscherkess zu Ross
vor ihnen, an der Schlinge Knebel
schleift ein Gefang'ner, zart gebaut.
«Ein Russe!» — ruft der Räuber laut ⁷

Правда, он здесь ради сохранения пушкинской рифмы довольно свободно перевел его оборот «младой пленник». В переводе пленник -- «хрупко сложенный»; этот образ выбран, впрочем, вполне удачно, ибо содержит в своем словесном оформлении ссылку на молодость пленника. Таким образом, Вульферт остался верен как содержанию, так и форме пушкинского стиха.

Посмотрим, как выглядит данный отрывок в переводе Липперта. У него читаем:

Als in den Kreis mit Sturmesmacht
ein Ross und Reiter brausend flogen;
Den jungen Feind, den er bezwungen
Schleift am Arkan er hinterdrein,
Sein wilder Ruf: «Der Russ' ist mein!»⁸

(Дословный перевод: «Как в круг беседующих с силой бури бешено влетели конь и всадник, влачивший за собой на аркане молодого врага, побежденного им. Его дикий крик: «Этот русский — мой!»...).

Этот отрывок является типичным примером переводческого стиля Липперта. Отметим, что это не единственное место в переводе, где Липперт вводит всевозможные переводческие отсебятины, где его перевод отличается повышенной экспрессивностью, и тем самым не соответствует в той или иной степени авторскому замыслу.

⁷ Der Berggefängene von Alexander Puschnik, S. 7.

⁸ Der Gefängene im Kaukasus, S. 3.

В переводе Липперта наряду с лицом автора часто возникает и лицо переводчика, что мешает восприятию этого истинно русского пушкинского произведения.

Как высшую похвалу переводчику можно привести известное место из письма Гоголя Жуковскому: «Переводчик поступил так, что его не видишь: он превратился в такое прозрачное стекло, что кажется нет стекла».⁹ В идеале так и должно быть, но как только переводчик обращается к тексту художественной литературы, как только в тексте начинает вырисовываться лицо автора с его индивидуальным стилем, так почти неминуемо возникает рядом лицо переводчика. При переводе яркого и трудного художественного текста это стекло легко может терять свою прозрачность, более того, на этом стекле становятся особенно заметными всякие царапины, пузырьки, пыль и прочие изъяны. Все это неприметно или явно изменяет подлинник.¹⁰ На стекле перевода читатель может видеть отражение лица переводчика рядом с лицом автора. Следовательно, задача переводчика в том, чтобы это отражение не мешало, или как можно меньше мешало восприятию подлинника.

Вильгельм Вольфзон, современник Вульфферта и Липперта, и так же как они переводчик русской литературы на немецкий язык, писал в 1843 году в предисловии к своему сборнику «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russe» о своем несогласии с тем, как переводит «господин Липперт», потому что тот «очень растянуто и поверхностно передает мысли автора»,¹¹ хотя ему нельзя отказать в старании верно воссоздать содержание и сохранить настроение этого пушкинского произведения. Он часто меняет ритм и рифму, вводит в поэму собственные размышления, сокращает некоторые места или позволяет себе синтаксические перегруппировки текста.

Читая перевод Вульфферта, мы замечаем, что переводчик руководствуется намерением быть честным истолкователем авторской воли и не утерять лица автора. Он также стремится не нарушить особенностей пушкинского поэтического стиля и

⁹ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. М., 1952, т. XIV, с. 170.

¹⁰ См. Кашкин И. А. Указ соч., с. 433.

¹¹ Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Ins Deutsch. übertragen und mit historisch-kritischer Übersicht, biographischen Notizen und Anmerkungen begleitet von C. Wilhelm Wolfson. Leipzig, 1843. I. Band. S. XIII — XIV.

большей частью придерживается тех же стилистических элементов, того же ритма, даже аналогичной рифмовки для более точной передачи художественного своеобразия поэмы. Примером этому может служить отрывок, в котором описывается первая встреча Черкешенки и Пленника. Образ за образом переводчик воссоздает пушкинскую картину их первого ночного свидания. Мы читаем:

Die Jungfrau sieht er schweigend an
und denkt, ein mildes Traumbild spannt
ihn ein in seine Zaubermitte.
Vom Monde halb beleuchtet, neigt
sie, mit des Mitleid's Zartgefühle,
sich knieen, zu ihm hin und reicht
die Schale, voll des Milchweins Kühle,
mit leiser Hand den Lippen hin.
Doch er vergass des Tranks Erquickung,
er hascht mit durstigem Gemüth
die holden Laute, voll Entzückung,
den Blick, der aus dem Auge glüht.
Der Worte Sinn bleibt ihm verloren,
doch das erröthende Gesicht,
ihr Aug', der Stimme Wohlklang spricht:
«Leb!» und er fühlt sich neugeboren.
Und mit dem Rest der Kräfte rafft,
das freudliche Geheiß erfüllend,
er sich empor, sein Schmachten stillend,
trinkt er den Dargebot'nen Saft.¹²

Этот отрывок — яркое свидетельство того, что Вульферт тщательно отбирает в своем родном языке такие средства выражения, которые могли бы служить наиболее адекватному воссозданию образа, описанию пейзажа или созданию лирического настроения. Его язык легок и прост. Есть места в переводе (описание мирного лагеря воинственного племени, ночные свидания Черкешенки и Пленника), которые звучат так удачно, что кажется, будто в воображении переводчика возникли примерно те же самые ассоциации, что и у автора при создании им художественного произведения. Создается впечатление, что в сознании переводчика наряду с поиском эквивалентных образов, стиливых решений и т. д. происходит иногда как бы воспроизведение непосредственного творческого процесса поэта. Перевод А. Вульферта в целом можно рассматривать как удачное воссоздание пушкинской поэмы «Кав-

¹² Der Berggefangene von Alexander Puschkin. S. 16—17.

казский пленник». Тем более остается сожалеть о том, что перевод этот не получил широкого распространения в Германии. Лишь несколько экземпляров изданной еще в 1824 году книги дошли до немецкого читателя¹³. Таким образом, восприятие именно этой пушкинской поэмы в Германии фактически началось только с появлением в Лейпциге перевода Р. Липперта в 1840 году. Роберт Липперт, прогрессивный немецкий журналист своего времени, всячески призывал своих соотечественников внимательно следить за передовой русской литературой. В своих публикациях о русской литературе он выступал против убеждения многих современников, что русская литература все еще живет подражанием Западу, что самобытной русской литературы не существует.¹⁴ При всех недостатках перевода Р. Липперта поэмы Пушкина «Кавказский пленник» следует оценить его как бесспорно положительную попытку ознакомления немецкого читателя с лучшими образцами русской романтической поэмы первой половины XIX века и как вклад в обогащение немецкой литературы.

¹³ Об издании перевода А. Вульфберта см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Л., 1936, т. 1, с. 290—293; Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1965, с. 85—87; Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1925, вып. 1, с. 6—11.

¹⁴ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800—1848.

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
РИГА 1983